

PAĻČEVSKIS, Jāzeps
Latvia Documentation Project
Russian
RG-50.568*0009

В данном интервью Язовс Пальчевскис, рожденный в городе Даугавпилс 25 января 1933 года, рассказывает о своей жизни в родном городе во время немецкой оккупации. Пальчевскис был ребенком, когда в городе арестовывали и расстреливали евреев. Он видел, как забирали его соседей, а также ходил на место массового расстрела евреев за Золотой Горой. Там он стал свидетелем того, как полицейские закапывали тела, а женщины и подростки, предположительно родственники полицейских, рылись в песке на месте расстрела в поисках золота. Он также описывает виденные им груды тел военнопленных, сложенные штабелями недалеко от железнодорожной станции. В заключении, он говорит о сохранении памяти о Холокосте в Даугавпилсе в наши дни.

Файл 1 из 1

[01:] 00:00:00 – [01:] 30:20:00
00:00 – 31:20

[01:] 00:59:18 – [01:] 02:40:03
00:46 – 02:31

Q: Добрый вечер.

A: Добрый вечер.

Q: Большое спасибо за то, что пригласили нас к себе домой и разрешили записать это интервью. В первую очередь, я хотела бы, чтобы вы назвали свое имя, фамилию и дату рождения.

A: Язовс Пальчевскис, 25 января 1933 года.

Q: Давайте вспомним ваше детство и довоенные годы. Где вы жили в это время?

A: Ну, я родился в этом городе и жил на Старом Форштадте на улице Зелткална, 26. Там я—до—30 лет, до [19]63 года жил. Ну и все то, что—семья рабочего. Отец работал здесь вот—сейчас он акционерное общество «Локум», а тогда оно просто называлось «Главные железнодорожные мастерские». Ну, он был слесарь высокого разряда, в инструментальном цехе работал. Мать была домохозяйка. Нас было трое сыновей—у меня еще два старших брата—[19]24 года старший брат и [19]31 года. [19]24 года брат погиб. Отца в первые же недели, в [19]41 году, как только пришли

немцы, его забрали в тюрьму, и он оттуда больше не вернулся. Так что без отца я остался в восемь с половиной лет.

[01:] 02:40:04 – [01:] 05:09:14

02:32 – 05:07

Q: Вы хорошо помните первые дни войны в Даугавпилсе?

A: Отлично. Я даже прямо вот сейчас вижу эту картинку, когда я, и оба моих брата, и вот Пирожок Антон Ануфриевич [*интервьюируемый в интервью 0005*]—мы мальчишками шли на озеро купаться, а эта часть озера называлась «переходчина» — там как раз вот переход—такой полуостров—из одного большого озера и во второе. Так вот это было наше любимое место, где мы купались. И только мы пришли туда—ну, это было где-то порядка около 10 утра—ну, знаете тогда у мальчишек какие часы—так, по солнцу определяли время—тепло стало—пошли купаться. Так вот, только мы стали раздеваться, и вдруг высокооооо звук самолета. Ну мы не были так до войны избалованы звуками самолетов—здесь аэродромов не было, тут больше лошади были, чем аэродромы. [*смеется*] Ну и вот, этот Пирожок почему-то вдруг говорит: «О, немец летит». А мой старший брат, он говорит: «Да откуда взялся здесь немец?» А мы еще ничего не слышали—это было воскресенье, мы ничего не слышали о начале войны. Ну, наверное, радио не слушали—у нас тогда радиоточек таких не было, газет еще никаких не было. Ну и действительно, к этому самолету выскочили два, как мы тогда называли, советских Истребка—это ЯК-3, по-моему, были самолеты, такие тупорылые, но очень верткие. Потом третий взлетел, и они его посадили на аэродром там, за Двиной. Вот так началась война. Потом появился еще немецкий самолет, он сбросил бомбу. Одну он сбросил здесь, в новый костел на Новом Строении, а вторую он сбросил на Старом Форштадте— вот там погиб мужчина, этого мужчину мы ходили смотреть—как вдруг, жил человек и погиб? Ну, о войне мы уже немножко знали, потому что, в частности, вот у меня в семье отец выписывал газету. Она называлась «Журнал для всех», или «Газета для всех» —такая желтоватая, вот там уже были иллюстрации и писали о том, как идет в Европе война. Так что я, когда объявили войну, когда она началась, почему-то мне—даже заплакал [*смеется*].

[01:] 05:09:15 – [01:] 07:44:21

05:08 – 07:48

Q: Вы учились в латышской, или в русской школе?

A: Нет, я пошел в школу в [19]40 году, это был сентябрь, а в июне пришли, как у нас тогда говорили, Красные. Пришла Красная Армия, и пошел в русскую школу.

Q: С вами еврейские дети тоже учились?

A: Да, учились. Вот у нас два соседа были, один на [*улице*] Авеню, а второй на этой же Зелткална—ну, буквально там в 150 метрах от нашего дома такой Лева жил—ну его знаю имя, а отца—я считал, что это его фамилия—Моська—ну вот Моська и Моська, ну вот с детства так. Я другого не знал и не слышал. А потом оказалось,

что это имя его тоже, а не фамилия. А второй был Хаим, вот у него сын был Фолька. У него две сестры были—Эстерка и Баданка. Ну вот так мы все вместе гуляли, вместе жили.

Q: Что с ними случилось в начале войны?

A: Ну это наверное всем известный факт. Стразу же, как только—к нам во двор—я помню, мы сидели во дворе—там у нас такой сарайчик, куда сено складывала бабушка—у нас были две коровы, и вот было сено, и мы там у самого входа—там в подвал дверь—крышка такая, и мы на этой крышке сидели все, а немцы, вот первые немцы, они шли отсюда, от церкви, снизу в сторону вокзала, и шли не по улице, а шли прямо через заборы—где оторвут, а где через забор прыгали. И вот к нам как только вошли во двор, первые слова: «Juden und Kommunisten». Ну, мы тогда не знали немецкого языка, для нас это—ну, «Juden» поняли, потому что это же евреи, и «Kommunisten» тоже—уже слышали такие слова. Так вот они сразу, с первых же шагов—у нас сосед был такой, Чамаев, он был очень похож на еврея—они были баптисты до войны, а в [19]38 или [19]39 году—я не могу помнить точно—они приняли православную веру. Так вот его, бедного, как еврея забрали—ну прямо в исподнем, в кальсонах, завязки эти болтаются по земле. Вот его погнали тоже в эту. И тут же их подобрали—арестовали всех.

[01:] 07:44:22 – [01:] 09:29:20

07:49 – 09:38

Q: Вы своими глазами все это видели?

A: Да, конечно, все это мы видели.

Q: Много арестов видели?

A: Нет, ну только вот Моськи и Хаима семью, и вот этого Чамаева.

Q: Их с детьми забирали?

A: Да, их семьями.

Q: В дневное или в утреннее время? Как чаще?

A: Это нет, это был поздний вечер, по-моему, уже. А Чамаева тогда они раньше—а я не знаю, где Моська это был и Хаим. Может они тоже в подвале спрятались, потому что перед этим, как вступили немцы, стрельба была: и из орудия слышно было постреливали, и из стрелкового оружия, так что кто был у подвала, а кто был в подвале; но мы уже из подвала вышли, поэтому застали нас во дворе, и как их—откуда взяли, вот этого я не видел. Но когда уже их убрали—это в эту же ночь.

Q: То есть вы видели, как на улицу, да, выводили?

A: Нет.

Q: А что вы видели?

A: Ну, я видел только вот как Чамаева арестовали, а как их выводили—этого нет. По-моему—вы знаете, мне сейчас трудно вспомнить—по-моему, я этого Фольку после этого видел, или кого-то из его семьи, но у них уже был приказ—у них эти шестиконечные звезды они должны были носить. По-моему, они были желтого цвета—впереди и сзади; и ходить им *[евреям]* разрешалось только по проезжей части—по тротуарам им ходить нельзя было. И их всех собирали вот предместное укрепление—где у нас сейчас там лагерь, вот там их туда собирали. А уже оттуда их потом. *[вздыхает]*

[01:] 09:29:21 – [01:] 13:36:19

09:39 – 13:55

Q: Вам удавалось бывать в тех местах, где проводились расстрелы здесь, в Даугавпилсе?

A: Вы знаете, мой отец был категорически против: сам туда не ходил, мать свою—то есть бабушку мою—категорически запретил туда, а многие жители туда все же навещались. Но один раз я там был—я был вот с этим вот Пирожком, был—по-моему, была его сестра, Аня—но ее сейчас нет уже в живых, и была с нами, по-моему, соседка такая Бисокирская Люся. Она, по-моему, и сейчас там живет, на Форштадте. Ну, нас человек наверное шесть-семь было, ну вот дети—мальчишки, девченки. Мы все же, вопреки этого запрета, побежали туда—ну там же до этого почти каждый вечер слышны были стоны, и крики, и стрельба. Ну, мы уже знали, что там—сначала мы не знали, когда первые были вот эти вот стрельба и стоны, а потом уже так, как по словесному телефону, что называется, передали, что там расстреливают евреев. Ну и мы раз туда пошли. Это было утро—ну тоже где-то так после девяти часов—был солнечный день. Вам рассказывать, как это было? Ну, мы подошли—это было за Золотой Горой—у нас там была такая Золотая Гора, ее уже потом сняли—вот, за этой Золотой Горой, там еще метров 200-300, были выкопаны рвы, их там расстреляли. Когда мы туда подошли, туда не подпускали близко, но мы так, из-за бугорка—ну где-то метрах в 150 от этого места—видели. Я, например, видел, как заканчивали закапывать, так что самих расстрелянных я не видел. Видел только этих мужчин, которые закапывали, видел полицейских, и видел двух немцев—у них были такие коричневые воротнички, и, по-моему, на рукаве и на фуражках—один был в фуражке, один был в пилотке—были, эти. знаки, ну, три кости, череп и три кости вот такие; и были полицейские. Они были в обыкновенной гражданской одежде, но с желтыми—с белыми—по-моему, с белыми повязками на рукавах—которые охраняли. И были кучи такие вот, как небольшие стоги сена—ой—сена, да: в одной, значит, обувь, в другой одежда, и таких куч было—ну, может—я их не считал, но так, как я помню—штук пять, может четыре—вот такие кучи. Они были сбросаны. А многие из местных жителей—меня что вот, как мальчишку поразило, что там желтенький песок—там даже трава нормальная не росла—а они с такими вот цапками, как картошку

капать, в этом песке роются. Ну, в моем понятии, когда люди капают картофель, они идут рядами, как она и выросла, а здесь хаотично. Но и мы в начале не разобрались, что они там—для меня это была дикая картина, а потом уже нам взрослые, кто постарше, говорили, что они там выискивали золотые вещи, которые наконуне расстрела евреи закапывали—кольца, браслеты и все остальное. Да, потом действительно появлялись эти золотые вещи на базаре, на толкучке на продажу—ну, можно было видеть. Мы ходили в город за газетами—это уже было позже, может на следующий год, появлялись эти вещи. Вот эту картину мы видели.

[01:] 13:36:20 – [01:] 15:52:20

13:56 – 16:17

- Q: На каком языке говорили полицейские, на каком языке говорили между собой те, которые закапывали?
- A: Вы занете, которые закапывали—я не слышал их разговора. Они это делали молча. У них вид был очень такой усталый, серый, и я не слышал, чтобы они разговаривали. А полицейские разговаривали и на латгальском, и на русском, и на латышском. Так что разные они там были.
- Q: Немцы тоже разговаривали, нет?
- A: Да, но это был немецкий язык, а тогда я немецкого не знал, и мы ничего не поняли.
- Q: Они давали какие-то команды?
- A: Они давали—да—распоряджения. Они что-то говорили—ну как вот дается распоряжение—а эти шутцманы **Schutzmann** (немецкий: полицейский) уже там бегали около этих, которые закапывают, они их погоняли «быстрей, быстрей».
- Q: Знакомые были среди полицейских?
- A: Вы знаете, я его уже плохо помню—Шпак такой. Он жил, по-моему, на Литинской улице. Был такой где-то метр шестьдесят пять ростом—ну, это я сейчас определяю так, тогда я не определял. Но он так, ниже среднего ростом был, коренастый, чернявый—брюнет. Вот такой. Этого я и запомнил в лицо, а остальные—нет, не помню.
- Q: И те, кто закапывали, вам тоже были незнакомы?
- A: Нет. А это делалось очень просто. Это они делали наконуне расстрела. Потом уже мы знали, когда будет расстрел: если сегодня, допустим вот, облава на рынке, мужчин собирают, значит ночью будут расстреливать. Это уже как правило.
- Q: То есть это были местные?

A: Разные были. В основном, наверное, местные, но там кто на рынке тогда был? Ведь питались-то в основном—покупали продукты на рынке. ну, так называемый базар—тогда мы называлие его базар. И вот на этом базаре делали облаву.

Q: Там были и приезжие?

A: Конечно, были и приезжие. Кто товар привозил—и тех забирали—подводы оставались.

[01:] 15:52:21 – [01:] 18:06:24

16:18 – 18:36

Q: Вы сказали, что смотрели где-то на это место на расстоянии 150 метров. А ближе вы подходили потом уже, или сразу ушли домой?

A: Нет, нет, нет. картина очень была не из приятных, и мы были не расположены. А потом там эти шуцманы стояли и там эти люди, которые там раком лазили и копали, отыскивая что-то—это было ужасно смотреть даже не видя мертвых. Но мы мертвых видели чуть раньше, только военнопленных.

Q: Где и когда это было?

A: Военнопленных? Через Двинск-2ой—вот это Двинск-1ый здесь в городе, а там на Форштадте это Двинск-2ой, это варшавская станция так называлась—Петербург-Варшава—так вот через эту станцию постоянно шли эшелоны. Это был июнь, июль, август месяц, особенно в июле. Было, я помню, жарко, так пленных везли в открытых вагонах—полувагонах, без крыши. И вот—а мы, мальчишки, стоим—там такой сад был—ну как сад, тополя—по-моему, в два ряда были большие тополя, а между этими тополями были наложены штабеля вот этих пленных. Уложены были как дрова: где-то метра полтора высотой, может чуть больше. Они были все в основном нагие, и были в белье: кто в кальсонах, кто в рубашках, кто совершенно голый, и сложены как дрова. И вот таких три штабеля там было, этих военнопленных.

Q: Это вы видели еще до еврейских расстрелов?

A: До расстрела, да. Евреев осенью—ну как, ближе к осени, это уже наверное был август, потому что их вот гнали—уже сумерки были. А сумерки тогда наступали уже где-то часов в восемь, около восьми. Ну, я считаю, что это был август—сентябрь месяц, но была теплая погода.

[01:] 18:06:25 – [01:] 20:34:23

18:37 – 21:11

Q: Значит на Золотой Горе вы были только один раз?

A: Да, я там был один раз.

Q: А почему вы тогда все пошли туда?

A: Ну, слухи то—перед тем, как пойти—это уже прошло довольно много времени, это уже было может и недели две, как продолжались вот эти расстрелы. Ну, они были довольно часто: два-три раза в неделю это обязательно, и гнали их туда человек по триста так, ну просто вот колонной.

Q: Вы видели это?

A: Да, ну а как же, конечно. Мимо нас—вот крайний дом, а следующий дом, где я жил, и они по этой, по Авеню улице—их вели. И стариков, и детей, и мужчин. Видели, как два молодых еврея удрали, в них стреляли эти, полицейские—а что они могли попасть, когда они пьяные, эти полицейские? Но их почему-то ругали, и потом нам сказали, что их ругали за то, что они удирали. А они два парня удрали. Там недалеко лес, и они в этот лес и ушли.

Q: А кто были эти полицейские?

A: Ну всмысле как «кто»? Из местных жителей.

Q: На каком языке они разговаривали?

A: Я же вам говорил, они разговаривали на латгальском, на русском, и на латышском некоторые.

Q: Те, которые сопровождали, да?

A: Да. Ну, в основном, они когда сопровождали мало разговаривали. Они молча, если только ругались, но ругались по-русски.

Q: Выстрелы вы тоже слышали?

A: Да. Ну так это же было как только расстрел начинается, так и стрельба—и всю ночь. На рассвете только прекращалось.

Q: То есть долго стреляли?

A: Не понял?

Q: Долго стреляли?

A: Ну вы знаете, мне сейчас трудно судить, ну где-то часа два, может больше длилась вот эта экзекуция.

Q: Не останавливаясь, да?

A: Да. Ночью.

Q: Ночью?

A: Да.

Q: Так почему все-таки вы пошли тогда, вы же маленькие были?

A: Любопытство наверное мучало, я не знаю. Интересно было, что там в конце концов.

Q: Страшно было?

A: Ну чем страшнее, тем интереснее наверное.

Q: Вы вместе пошли туда и вместе все возвращались?

A: И вместе удрали оттуда, да. Мы не возвращались, мы удирали оттуда бегом. Когда увидели все это, мы оттуда бежали.

[01:] 20:34:24 – [01:] 22:47:23

21:12 – 23:29

Q: Вы дома об этом рассказывали?

A: Ну, рассказывать детям если только, вот своим сверстникам. А родителям мы не могли рассказывать, потому что было категорически запрещено, и если бы я признался, что я туда ходил, мне бы наверное попало. Еще тогда отец нет, отца уже не было, но старший брат был—могло мне попасть тогда. Так что родителям не рассказывали. Но они без нас знали—мы от них наоборот узнавали—слышали, что там делается, когда они между собой беседовали.

Q: О чем рассказывали родители?

A: Ну, рассказывали—они же видели, когда и знакомых вели мимо—кого вот из знакомых повели, как кто себя вел, какие у них были угрюмые лица. Да это мы и сами видели, в каком они состоянии шли.

Q: То есть обсуждалось это дома?

A: Обсуждалось конечно, а как же.

Q: И в городе тоже обсуждалось, да?

A: Вы знаете, я был тогда слишком небольшой, чтобы посещать город. Ну так, иногда мы тоже так вот нелегально бежали туда: вот на рынок посмотреть, что там делается—ну, любопытство, вы знаете.

Q: Уже после войны вы ходили на Золотую Гору и на эти места расстрела?

A: В [19]44 году, как только, как у нас тогда говорили, Красные назад пришли, туда приехала комиссия. Там было много евреев гражданских, было много, ну, из КГБ—они с такими голубыми околышами фуражки были—это мы понимали, что это КГБ, и много военных было. Вот они там—нас опять туда близко не подпускали. Ну, они там уже рассматривали, где и что и начинали вскрывать. Вот когда откапывали, вот этого я не видел, но их оттуда вывозили.

Q: Откапывали?

A: Да, их оттуда откапывали.

[01:] 22:47:24 – [01:] 24:40:17

23:30 – 25:27

Q: А как вы это знаете?

A: Ну, потому что потом завод было запланировано там строить, это во-первых. А во-вторых, я не знаю, может место такое дикое—у нас ведь было еврейское кладбище у озера, здесь было вот, на Валкас—вот здесь вот рядом еврейское кладбище одно было, а второе было там, на Форштадте, но оно было старое и заброшенное, но само место же было. Но их перевезли в Погулянку, и хоронили их там в Погулянке.

Q: С Золотой Горы?

A: Да. Их расстреливали не на самой Золотой Горе, а если со стороны Форштадта, то за, а если отсюда, то до Золотой Горы.

Q: Ну это известное в городе место было?

A: Да, ну конечно.

Q: А другие местные жители туда ходили, кроме вас, детей? В тот день кто-то еще там был поблизости?

A: Ну я только видел тех, которые там рылись, вот, в основном, женщины. Мужчины закапывали, а женщины и такие вот подростки там что-то в этом—ну, что-то—я уже сказал, что они там выискивали. Но мы тогда не знали, что они искали.

Q: А полицейские их пропускали?

A: Вы знаете, почему то было такое впечатление, что это их или родственники, или знакомые, потому что других они не пускали. Вот нас, например, они близко не подпустили. Закричали—и мы удрали.

Q: То есть полицейские видели вас?

A: Да, они нас видели. Там такой взгорочек был, мы за эту горку. Ну а потом встали наверное, и они крикнули на нас, пригрозили винтовкой, и мы оттуда удрали.

Q: А на каком языке кричали?

A: Вы знаете, я уже плохо помню, по-моему, на русском.

Q: То есть чтобы вы уходили оттуда?

A: Да.

**[01:] 24:40:18 – [01:] 27:15:01
25:28 – 28:07**

Q: И вы сразу после этого ушли, или еще смотрели?

A: Сразу, тут же убежали.

Q: Но этот день вы хорошо запомнили?

A: Да, эта картина у меня и сегодня в глазах.

Q: Вы обсуждали потом уже вот с вашим другом Антоном, с другими девочками?

A: Ну а как же, конечно. Там кто-то сказал, что уже не первый раз с нами ходил, кто-то уже туда—я вот не помню, или Антона сестра, или вот эта Люся—что уже там были. Они нам собственно туда и показали, где идти.

Q: Они рассказывали, что видели там?

A: Да.

Q: А что они видели?

A: Ну я не знаю, можно ли верить тому, что они рассказывали, но они видели, что—говорили, что видели еще незакопанных, что убитые, расстрелянные там люди лежали. Но я это—я видел, когда уже заканчивали закапывать.

Q: Спасибо вам большое, спасибо за это интервью.

A: Ради Бога. Сейчас вы знаете, это место найти очень сложно, потому что завод строили, и там все так переделано, но если так, ориентируясь по солнцу, примерно—но это же не одна могилка, там же большая площадь.

Q: Приблизительно какая?

A: Ну, несколько гектар. Потому что рвы были такие. ну, шириной метра три, и в длину метров 30-40—вот такие. Но это мы уже. по краям так можно было определить. Так что рвы были большие. И бочки стояли с карболкой.

Q: Вы видели это, да?

A: Да, ну а как же. Они там с этим запахом еще—очень долго был этот запах. Они же их обливали потом этой жидкостью.

Q: Зачем?

A: Ну говорили, что, якобы, чтобы не было эпидемии.

Q: А кто это делал, полицейские, немцы?

A: Вы знаете, делали это эти же рабочие. Это я не видел, но так рассказывали, что делали те мужчины, которые были согнаны туда рыть эти рвы. Они их откапали, и они их закапывали, и они их заливали.

[01:] 27:15:02 – [01:] 30:20:00

28:08 – 31:20

Q: Кто это вам рассказывал: домашние, или где-то на улице вы это слышали?

A: О чем, о том, что я сейчас говорил?

Q: Да, да.

A: Ну конечно. Ну, домашние-то, я уверен, что ни мама, ни бабушка туда не ходили, а так вот старшие ребята. Ведь мне тогда было восемь с половиной лет, девятый, а были мальчики и по 12, и по 14, и по 15 лет.

Q: Из знакомых евреев после войны вы кого-то встречали? Кто-то выжил здесь, в Даугавпилсе?

A: Нет. Которых вот я знал до войны, я их никого больше не видел. Они все погибли.

Q: Сейчас в Даугавпилсе помнят о тех трагических временах? Проводят какие-то митинги, какие-то вечера памяти?

A: Ну у нас ведь есть еврейское общество, они этим занимаются, они организывают День Холокоста.

Q: А городские власти?

A: Городские редакции [*не расслышал слово*]? А городские редакции оповещают об этом. Бывает же в газетах—это же в подшивках можно найти. Ну раньше, вот до 1990-ого года, я не помню, чтобы так было: ни этих военнопленных, ни этих расстрелянных евреев чтобы проводились вот какие-то такие поминки, как сейчас. Сейчас показывают по телевизору—ну тогда телевидения не было; может, газеты я так не читал в то время, но меньше, по крайней мере, меньше оповещалось при советской власти, чем вот начиная с 1990-х годов.

Q: Ну это именно потому, что еврейская община стала активнее?

A: Я думаю да.

Q: Или городские власти?

A: Нет, я думаю, что община. И стали приезжать—ведь раньше ни нас зарубеж, ни к нам из-за рубежа так просто нельзя было приехать. А сейчас начали приезжать, ведь много гостей, и в том числе из Израиля. Здесь же их остались наверное родственники.

Q: И они приходят на митинги?

A: Да.

Q: На Погулянку?

A: В Погулянку. Это, по-моему, единственное место, где вот отмечают эти страшные дни.

Q: Вы туда тоже ходили?

A: Нет. Вообще я там был, но вот на эти события—нет, я не ходил.

Q: Спасибо.

A: Пожалуйста.

[01:] 30:20:00

00:31:20

Конец интервью